

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448

УДК 821.161.1

МОДИФИКАЦИЯ ЖАНРА МЕМУАРА В СБОРНИКЕ Г. ИВАНОВА «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗИМЫ»

А.А. Роговский

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119991

Книга мемуарной прозы Г. Иванова «Петербургские зимы» с момента публикации вызвала неоднозначные оценки современников, критиков и литературоведов. До сих пор остаются не проясненными жанровые и композиционные особенности сборника, их изучение и будет целью представляемой статьи. В ходе исследования были отмечены следующие особенности мемуарной прозы Г. Иванова: импрессионистический характер повествования, определяющий ассоциативный тип нарратива, подчеркнутая рефлексия в подаче материала, его утрированная произвольность. Сборник представляет собой лирическую прозу поэта. Тема памяти и ее пределов является структурообразующей для всего повествования. Автор уделяет особое внимание символическому для мемуаристики Г. Иванова образу «тумана» как метафорическому выражению мотива пути и судьбы в культуре эмиграции.

Ключевые слова: Г.В. Иванов, «Петербургские зимы», мемуарная проза, импрессионизм, петербургский текст, проза поэта, образ тумана

Мемуаристика находится в центре жанровой системы литературы русского зарубежья. Свои воспоминания художественно оформляют не только почти все крупные литераторы этого периода, но и военные, светские люди, представители других искусств, отражая дух эпохи, в которой происходят глобальные социальные, духовные и мировоззренческие потрясения, провоцирующие рефлексию, представляющие мемуариста частью уходящего мира, актуальным свидетелем событий.

Стремясь разобраться в своеобразии мемуарного сборника Г. Иванова «Петербургские зимы» (опубликован в 1928 году, переиздан с изменениями в 1954 году), автор настоящей статьи обратился к авторским интенциям, связанным с жанровыми и стилевыми поисками. За рабочее взято определение мемуара, данное Е. Кирилловой, утверждающей, что мемуаристика — «это “невывышенная” проза с ярко выраженным субъективным мотивом, в которой писатель в первую очередь обращается к своей памяти, создавая ретроспективную картину жизни» [5. С. 152]. Однако субъективность позиции Г. Иванова-мемуариста нередко ставится современниками под сомнение или попросту игнорируется. Как отмечает А. Арьев, «сочинявшиеся в Париже 1920-х годов полуфантастические «Петербургские зимы» вкупе с «Китайскими тенями» были прочитаны как пасквиль» [1. С. 21]. Подтверждение этим словам современного критика находим в отзывах А. Ахматовой, Н. Берберовой, Н. Мандельштам, И. Северянина, В. Ходасевича.

Обозначим границы материала. Мемуарные очерки Г. Иванов начинает публиковать с 1924 года. Тогда в газете «Звено» выходят очерки под общим названием «Китайские тени», затем, с 1926 года в газете «Дни» — «Петербургские зимы». Параллельно, в том же 1926 году, Г. Иванов начинает сотрудничать с ведущим периодическим изданием первой волны эмиграции, газетой «Последние новости», здесь выходят очерки под общим названием «Невский проспект». В 1928 году он публикует книгу воспоминаний «Петербургские зимы» (далее в тексте — ПЗ), куда, после тщательного отбора вошли очерки разного периода.

Называя опубликованные произведения мемуарным очерком, автор статьи, прежде всего, подчеркивает наиболее общую видовую дефиницию. Это и не автобиография, хроника, исповедь или литературный портрет в чистом виде. Следует говорить о сложной многокомпонентной структуре. Каждый очерк в книге имеет типовую композицию, основанную на соположении двух временных пластов: Петербурга-Петрограда 1910 годов и его же времен гражданской войны. В остальном какая-либо обязательность отсутствует. Общим для всех частей книги остается лишь описательное изображение событий, притом повествователь описывает свои собственные переживания, подчеркивая рефлексивный характер подачи материала, утрируя их произвольность: «Какие-то лица, встречи, разговоры — на мгновение встают в памяти без связи, без счета. То совсем смутно, то с фотографической точностью» [2. С. 82]. С одной стороны, это оговоренная ранее произвольность описываемых событий, и другой, — высокая доля художественной образности в описании.

С точки зрения жанровых дефиниций «мемуарный» характер очерков не вызывал у современников никакого сомнения. Редактор «Последних новостей» И.И. Фондаминский в редакционной записке советовал дать мемуарным очеркам Г. Иванова рубрику, мотивируя это тем, что «Г. Иванов не опасен в воспоминательно-критич[еском] очерке» [9. С. 581].

Пытаясь выявить художественную специфику воспоминаний Г. Иванова, А. Арьев ставит вопрос о специфике жанре: «При очевидном интересе к книге главный вопрос, который оказался поставленным критикой, относился к трактовке ее жанра: что это — документ, прихотливые мемуары, беллетристика?» [1. С. 26]. Один из первых рецензентов книги, Е.А. Зноско-Боровский, в парижской «Иллюстрированной России» (1928, № 47, 17 ноября, с. 18) рассуждал о книге так: «...Все приемы в ней от беллетристики, от литературы «чистой», художественной. Притом литературы не объективно-описательной, не строго реалистической, но импрессионистской, рассчитанной прежде всего на создание определенного впечатления и настроения» [4. С. 18].

В мемуарном тексте этот импрессионистический характер играет особую роль, придавая большее значение ассоциации как повествовательной технике. В очерке о Борисе Пронине, описывая своего героя, Г. Иванов конструирует модель невероятно деятельного человека: когда одно дело переставало занимать Пронина, тут же появлялось другое, но деятельность эта ни к чему никогда не вела: «И кто-то снова, вздыхая, выписывает чек или едет хлопотать в министерство, или пишет пьесу, по мере сил участвуя в работе этой работающей впустую машины, которая зовется деятельностью Бориса Пронина» [3. С. 41].

Через ассоциацию показаны не только быт в литературных кабаре, открытых Б. Прониным, но даже и их гибель. То есть, судьба его начинаний ассоциируется с «личностью» самого Пронина. В конце очерка сообщается, что «“Привал” не был закрыт, — он именно погиб, развалился, превратился в прах. <...> Однажды, в оттепель, лопнули какие-то трубы, и вода из Мойки, старый враг этих разоренных стен, их затопила» [3. С. 54]. Гибель «Привала» метонимически говорит о гибельности героя очерка. Библейская ассоциация потопа позволяет перейти от вполне конкретной ситуации к обобщению. Знаковую функцию выполняет понятие «прах», относящееся к устаревшей книжной лексике. В нашем случае также коррелирующей со стилистикой произведения, изобилующего эсхатологическими мотивами.

Особая картина мира, создаваемого мемуарным текстом Г. Иванова, проявляется в структурном устройстве, составляющим «ядро» мемуаров как жанра. Создавая по сути «петербургский» текст, автор вводит ключевую формообразующую для сборника фразу: «Классическое описание Петербурга почти всегда начинается с тумана» [3. С. 31].

Туман понимается сразу же во множестве значений, прежде символически: это, с одной стороны, и полупроницаемость пространства, но также и обозначение времени, и личности. Тема тумана оказывается характерной для этого периода творчества Г. Иванова (ср. со стихами «Все туман. Бреду в тумане я // Скуки и непонимания»). Этот «туманный» характер воспоминания получает своеобразное итоговое осмысление в стихотворении 1953 года «Все представляю в блаженном тумане я», лирический герой которого живет во власти экзальтированных воспоминаний на фоне своего угрюмого быта, где он «вылезает как зверь из берлоги» «в холод Парижа».

Задумывая книгу как сборник, Г. Иванов производит строгий отбор текстов, которые планирует в него включить. Однако структурообразующая константа остается не очевидной читателю. Композиционно повествование распадается на отдельные фрагменты, элементы, как в отдельных текстах, так и внутри сборника в целом. Фрагментарность для ПЗ может считаться повествовательным приемом, однако, как метод она характерна для прозы поэта в принципе. Практически все прозаические произведения Г. Иванова вплоть до 1937 года подчинены принципу фрагментарности повествования, начиная с романа «Третий Рим» и заканчивая «Распадом атома».

Фрагментарность повествования на уровне структуры играет важную семантическую роль, демонстрируя невозможность гармонии, отсутствие музыкальности. То есть, тех эстетических проблем, которые поднимаются Г. Ивановым в стихах этого периода (ср., например, с «Музыка мне больше не нужна» опубликованного в «Современных записках» № 3 за 1931 год).

Принципиальным моментом в жанровом отношении является то, что книга воспоминаний мыслится как сборник, что очерчивает известный круг проблем: налицо попытка воспроизвести действительную структуру воспоминаний, описать механизм памяти. Автор ставится проблема невозможности строго сюжетного, последовательного припоминания прошлого, это обязательно какие-то эпизоды или отрывки.

Память, как предмет изображения в мемуарном тексте, по своим свойствам уже не совсем строгий и точный маркер действительности. В качестве примера рассмотрим мемуарный очерк Г. Иванова о Мандельштаме. «Осенью 1910 года из третьего класса заграничного поезда вышел молодой человек. Никто его не встречал, багажа у него не было, — единственный чемодан он потерял в дороге. <...> Звали этого путешественника — Осип Эмильевич Мандельштам. В потерянном в Эйдкунене чемодане, кроме зубной щетки и Бергсона, была еще растрепанная тетрадка со стихами. Впрочем, существенна была только потеря зубной щетки — и свои стихи, и Бергсона он помнил наизусть» [3. С. 84]. Начало строится на художественной детали, неразрывно спаянной в пространстве текста с авторской иронией. Ироническая деталь организует образную систему сборника. «Недели через две, в своей царскосельской гостиной, Гумилев, снисходительно улыбаясь (он всегда улыбался снисходительно), нас познакомил» [3. С. 85]. Это уже, казалось бы, исторический факт. Но, по свидетельству И. Одоевцевой [6. С. 312] Г. Иванов познакомился с Н. Гумилевым в самом конце 1911 года, а в Цех поэтов вступил в 1912 г. Следовательно, в 1910 году Н. Гумилев не мог представить их с О. Мандельштамом. Однако сами эти оговорки и фактологические неточности — важная особенность повествования, говорящая о ненадежности памяти, необязательности документального воссоздания прошлого. В этом принципиальное концептуальное отличие мемуарных принципов Г. Иванова от тех, которые выдвигали для своих воспоминаний В. Ходасевич и И. Одоевцева, где память возводилась в абсолюте.

Детализация как основной прием повествования отмечена Б. Поплавским, который говорит, что книга «... крайне пластична, акмеистически написана, в ней много вещей, тостов, галстуков, бутылок» [7. С. 225]. «Акмеистичностью» нам представляется реализацией импрессионистических интенций, связанных с тяготением к визуальности изображения.

Обобщая сказанное, приведем вначале мнение М. Алданова. «Петербургские зимы» это не беллетристика, это и не «очерки». Жанр книги трудный и владеет им автор превосходно <...> Показывает он две эпохи. Люди бесятся с жиру, — люди мрут с голоду. Время Бродячей собаки, — время Смольного Института. Удивительнее всего, как две эпохи, по модному выражению, «перекликаются» в книге» [8. С. 526—527]. Алданов определяет жанр через устойчивый сюжетный мотив, который обнаруживается во всех частях (очерках) сюжетного целого.

Подводя итоги, выделим специфические черты произведения. Во-первых, это жанровая неопределенность, связанная, с импрессионистической творческой моделью, избранной мемуаристом. В центре повествования — не объективированная память, пытающаяся передать события и явления в их точности, достоверности, но память-впечатление, которая оказывается «выше» и надежнее факта.

Во-вторых, основные структурные особенности, позволяющие позиционировать текст как художественное целое. Это общий сюжет, показывающий два временных пласта, Петербург до и после революции; ироническая деталь, выступающая основным приемом, организующий повествование; и устойчивая фрагментарность текста, отсутствие строгой хронологической или какой-то другой последовательности, образно выражающей отсутствие гармонии, порядка в мире.

«Петербургские зимы» как книга воспоминаний представляет собой уникальное жанрово-стилевое явление. Модификация жанровой формы в книге продиктована специфической философией памяти Г. Иванова и стремлением художественно отразить эту философию на образном, повествовательном и сюжетно-композиционном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Арьев А.Ю.* Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. М.: Изд-во Звезда, 2009. 58 с.
- [2] *Иванов Г.В.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1994.
- [3] *Иванов Г.В.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994.
- [4] Иллюстрированная Россия. 1928. № 47. 17 ноября.
- [5] *Кириллова Е.Л.* Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации: на материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004.
- [6] *Одоевцева И.В.* На берегах Невы. М.: Эксмо, 2012.
- [7] *Поплавский Б.Ю.* Неизданное. М.: Христианское изд-во, 1996.
- [8] Современные записки. 1928. Кн. XXXVII.
- [9] Современные записки (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 1. М.: НЛО, 2011.

© Роговский А.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 апреля 2017

Дата принятия к печати: 6 мая 2017

Для цитирования:

Роговский А.А. Модификация жанра мемуара в сборнике Г. Иванова «Петербургские зимы» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 3. С. 443—448. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448

Сведения об авторе:

Роговский Александр Андреевич, ассистент кафедры русской литературы, Институт филологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Контактная информация: e-mail: kurtualdeperreir@gmail.com

GENRE MODIFICATION IN G. IVANOV'S MEMOIR «PETERSBURG WINTERS»

A.A. Rogovsky

Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119991

The book of Ivanov's memoir prose "Petersburg winters" from the time of publication evoked ambiguous assessments of contemporaries, critics and literary critics. Until now, the genre and composition features of the collection have not been clarified, which will be the goal of the article being

presented. In the course of the study, the following features of G. Ivanov's memoir prose were noted: the impressionistic nature of the narrative, which determines the associative type of narration, and not strictly factual. The collection is a lyrical prose of the poet. Underlined reflexion in the presentation of material, its exaggerated arbitrariness. The theme of memory and its limits is a structure-forming for the whole narrative. The author pays special attention to the image of "fog", symbolic for the memoirist G. Ivanov, as a metaphorical expression of the motive of the path and destiny in the culture of emigration.

Key words: Georgy Ivanov, "Petersburg Winters", memoir prose, impressionism, St. Petersburg text, the poet's prose, the image of fog

REFERENCES

- [1] Ar'ev A.Yu. Zhizn' Georgiya Ivanova. Dokumental'noe povestvovanie [George Ivanov's life. Documentary story]. M., 2009.
- [2] Ivanov G.V. Sobr. soch.: v 3 t. T. 1. [Collected works]. M.: Soglasie, 1994.
- [3] Ivanov G.V. Sobr. sochin.: v 3 t. T. 3. [Collected works]. M.: Soglasie, 1994.
- [4] Ilyustrirovannaya Rossiya [Illustrated Russia]. 1928. № 47. 17 November.
- [5] Kirillova E.L. Memuaristika kak metazhanr i ee zhanrovye modifikacii: na materiale memuarnoj prozy russkogo zarubezh'ya pervoj volny [Memoir as a metagenre and its genre modifications]. PhD dissertation. Vladivostok, 2004.
- [6] Odoevceva I.V. Na beregah Nevy [On Neva banks]. M.: Eksmo, 2012.
- [7] Poplavskij B.U. Neizdannoe [Not edited]. M., 1996.
- [8] Sovremennye zapiski [Contemporary notes]. 1928. Kn. XXXVII.
- [9] Sovremennye zapiski (Parizh, 1920—1940) [Contemporary notes (Paris, 1920—1940)]. Iz arhiva redakcii. Pod red. O. Korosteleva i M. Shruby. T. 1. M.: NLO, 2011.

Article history:

Received: 15 April 2017

Revised: 6 May 2017

Accepted: 6 May

For citation:

Rogovsky A.A. (2017) Genre modification in G. Ivanov's memoir "Petersburg winters". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 443—448. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448

Bio Note:

Rogovskiy Alexander Andreevich, PhD student, Department of Philology, Moscow State Pedagogical University. *Contacts:* e-mail: kurtualdepreir@gmail.com